
Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.

Woman in Russian Society. 2022. No. 1. P. 72—86.

Научная статья

УДК 316.334.4

DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Антон Павлович Казун

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, akazun@hse.ru

Аннотация. Пандемия коронавируса, а также введенные для борьбы с ней меры по самоизоляции граждан привели к актуализации обсуждений, связанных с проблемой домашнего насилия. В статье анализируются результаты международных исследований о связи пандемии коронавируса и насилия между интимными партнерами. Внимание фокусируется на трех основных вопросах: какими методами могут быть измерены масштабы данной проблемы, какие результаты дает использование этих методов и каковы причины обнаруженных эффектов? Международные исследования позволяют сделать вывод о том, что локдаун, направленный на борьбу с пандемией, приводит к росту домашнего насилия. Однако масштабы данного явления сильно различаются как в разных странах, так и в городах и регионах одной страны. Гетерогенность полученных эффектов указывает на влияние большого количества социально-экономических, политических и культурных факторов, которые требуют изучения.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, домашнее насилие, гендер, локдаун, самоизоляция

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)», проект № 21-04-029 «Безопасность и виктимность населения России: социальные, экономические и культурные факторы» (научно-учебная группа «Социально-правовые исследования»).

Для цитирования: Казун А. П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72—86.

Original article

THE IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON DOMESTIC VIOLENCE: REVIEW OF INTERNATIONAL RESEARCH

Anton P. Kazun

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, akazun@hse.ru

Abstract. The coronavirus pandemic and the self-isolation measures introduced to combat it have led to the actualization of discussions related to the problem of domestic violence. In this article, we analyze international research results on the impact of the coronavirus pandemic on intimate partner violence. The review focuses on three main issues. First, we consider what methods can be used to measure the scale of the problem and draw conclusions about the advantages and disadvantages of each method. Second, we analyze estimates of the scale of the increase in domestic violence due to the pandemic, which can be obtained using various methods. In general, international studies suggest that a lockdown aimed at combating the pandemic leads to an increase in domestic violence. However, the scale of this effect varies significantly between cities and regions of the same country and between different countries. The heterogeneity of the obtained effects indicates the influence of many socio-economic, political, and cultural factors that require additional research. Third, we review the factors explaining the increase in domestic violence: isolation due to lockdown, job loss and economic hardship, psychological problems, etc.

Key words: coronavirus, pandemic, domestic violence, gender, lockdown, self-isolation

Acknowledgments: the reported study was prepared within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE)”, the research project no. 21-04-029 “Security and victimization of the Russian population: social, economic and cultural factors” (Scientific and Educational Group “Social and Legal Studies”).

For citation: Kazun, A. P. (2022) Vliianie pandemii koronavirusa na domashnee nasilie: obzor mezhdunarodnykh issledovaniĭ [The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 72—86.

Введение

Рост домашнего насилия является одним из самых серьезных социальных последствий пандемии [Nicola et al., 2020]. В апреле 2020 г. структура ООН по вопросам гендерного равенства и защиты прав женщин (UN Women) выпустила отчет о влиянии пандемии коронавируса на насилие в отношении женщин [COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls, 2020]. Согласно данному отчету, за предыдущие 12 месяцев 243 млн женщин и девушек в возрасте от 15 до 49 лет столкнулись с насилием со стороны партнера. На момент выхода

доклада пандемия еще не успела внести существенный вклад в эти цифры, однако отчет фиксировал, что локдаун в Аргентине, Франции, на Кипре, в Сингапуре и ряде других стран уже привел к существенному росту числа обращений в полицию (в диапазоне от 25 до 33 %). Данная проблема получила название «теневой пандемии», поскольку имела, во-первых, большой масштаб, а во-вторых, высокий уровень латентности. За этим докладом последовала масса исследований по всему миру, целью которых была оценка масштабов «теневой пандемии», а также анализ ее причин.

На начало октября 2021 г. в международной базе данных научных цитирований Scopus насчитывалось более 650 научных работ, посвященных влиянию пандемии коронавируса на уровень домашнего насилия. В этой статье мы предлагаем обзор ключевых результатов международных исследований о связи пандемии коронавируса и домашнего насилия. В обзоре мы фокусируем внимание на трех основных вопросах. Во-первых, мы проанализируем и сравним разные подходы к измерению влияния эффектов пандемии и локдауна на домашнее насилие. Во-вторых, соотнесем оценки масштабов «теневой пандемии», полученные разными методами. В-третьих, рассмотрим причины, которые могут объяснить обнаруженные эффекты, а также их вариацию.

Данная статья структурирована следующим образом. Сначала мы кратко раскроем понятие «домашнее насилие» и проведем его операционализацию. Далее опишем алгоритм поиска и анализа зарубежных исследований. После этого мы перейдем к обсуждению способов измерения масштабов «теневой пандемии», а также основных результатов, которые получены для разных стран. Затем рассмотрим основные причины, выделенные в исследованиях для объяснения обнаруженных эффектов. Наконец, мы обсудим полученные результаты и сделаем выводы.

Определение понятия «домашнее насилие»

Под домашним насилием (англоязычный термин «domestic violence») в широком смысле, как правило, понимаются различные формы насилия, возникающие внутри домохозяйств между интимными партнерами, а также насилие по отношению к детям и людям старшего возраста [Boserup et al., 2020]. Однако гораздо чаще термин «домашнее насилие» используется в узком смысле, как синоним насилия между интимными партнерами (англоязычный термин «intimate partner violence»), вопрос же о насилии по отношению к детям и в особенности к людям старшего возраста часто остается за скобками и анализируется отдельно. В исследованиях, посвященных влиянию пандемии на домашнее насилие, обычно внимание фокусируется на насилии между партнерами. По этой причине в настоящем обзоре мы преимущественно будем говорить о домашнем насилии в узком смысле слова. Косвенно мы затронем проблему насилия над детьми, не претендуя на комплексность анализа вопроса, а также оставим в стороне проблему насилия по отношению к людям старшего возраста, поскольку она является предметом отдельного разговора.

Исследователи выделяют разные формы домашнего насилия: физическое, сексуальное, финансовое, психологическое, насилие, выраженное в избыточном

контроле [Ali et al., 2021]. Данные проблемы не имеют социально-демографических и культурных границ, но в то же время их масштаб сильно связан с этими параметрами. Так, домашнее насилие в отношении женщин существенно более распространено, чем насилие в отношении мужчин [ibid.: 191; MacGregor et al., 2019]. Существует и большое количество менее однозначных параметров (например, связанных с размером города, культурой страны и пр.), которые также могут влиять на масштабы и характеристики домашнего насилия [Alhabib et al., 2010]. Возможность измерить уровень того или иного типа домашнего насилия напрямую связана с выбираемыми инструментами анализа. Например, количество обращений в полицию отражает прежде всего уровень физического или сексуального насилия, а опросы общественного мнения могут также рассказать о масштабах психологического насилия. По этой причине в настоящем обзоре мы будем говорить о масштабах домашнего насилия между партнерами только в привязке к тому или иному инструменту анализа.

Процесс подбора релевантных исследований

Настоящий обзор основан на анализе научных статей, опубликованных в период с апреля 2020 г. по начало октября 2021 г. и проиндексированных в базе данных научных цитирований Scopus. Изначальный поисковый запрос¹ строился на основе ключевых слов о домашнем насилии в сочетании с упоминанием коронавируса (аналогичный подход использовался в ряде работ; см., напр.: [Piqueo, Jennings et al., 2021]). По итогам этой работы на 10 октября 2021 г. было обнаружено 690 текстов. В них входило немало исследований, которые затрагивают тему домашнего насилия лишь косвенно (например, внимание фокусируется на проблеме суицидов или социально-экономических последствий пандемии в целом), кроме того, большое количество текстов, вышедших в первые месяцы рассматриваемого периода, написаны в жанре «исследовательской записки» и не содержат эмпирических исследований. Некоторые проиндексированные исследования были не доступны для анализа, поскольку они написаны не на английском языке. Для целей настоящего обзора были отобраны и проанализированы тексты более 100 научных статей из данной выборки. Из них в тексте обзора прямо цитируются 30 наиболее релевантных эмпирических исследований, в центре внимания которых вопрос о взаимосвязи пандемии и домашнего насилия². При отборе данных статей мы учитывали статус журнала и уровень цитирования, который имеет статья (несмотря на очень короткий период анализа, некоторые работы уже успели получить сотни цитирований). В настоящем обзоре мы ориентируемся только на опубликованные научные исследования, оставляя за рамками анализа рукописи, размещенные в открытых базах препринтов, но не вышедшие в свет.

¹ Синтаксис поискового запроса в Scopus выглядел следующим образом: (TITLE-ABS-KEY(“domestic violence” OR “intimate partner violence” OR “violence against women”) AND TITLE-ABS-KEY(“COVID-19” OR “SARS-CoV-2” OR “coronavirus” OR “2019-nCoV”).

² Остальные работы не цитируются в статье, поскольку не вносят значимой дополнительной информации. Впрочем, многие из них учитывались в процитированных работах, предлагающих систематический анализ и метаанализ по данной проблематике.

Масштабы «теневого пандемии» и способы ее измерения

На основе проанализированных исследований можно сделать два вывода о влиянии пандемии на домашнее насилие. Во-первых, в целом в научной литературе существует консенсус о том, что локдаун, связанный с закрытием школ и самоизоляцией граждан, приводит к всплеску домашнего насилия. Например, систематический обзор, выполненный на основе 32 различных исследований, позволяет сделать вывод об отсутствии у этой проблемы географических и культурных границ: из-за пандемии с ростом насилия между интимными партнерами столкнулись страны в самых разных частях света — Америке, Европе, Азии и Африке [Kourti et al., 2021]. Во-вторых, несмотря на этот консенсус, не существует однозначного ответа на вопрос о масштабе данного эффекта, поскольку он сильно варьируется в зависимости от методики расчета, а также от страны или региона, для которых производится анализ.

В работе [Piquero, Jennings et al., 2021] был проведен метаанализ доступных эмпирических исследований о влиянии локдауна на домашнее насилие. Всего авторами было обнаружено более 150 эмпирических работ, но всем критериям для выполнения данного анализа соответствовали лишь 18 из них. Рассчитанный по итогу анализа средний эффект позволяет утверждать, что введение локдауна увеличивает домашнее насилие. Однако масштабы эффекта сильно варьируются: для разных исследований и различных индикаторов, включенных в анализ, диапазон эффекта составлял от -77% (т. е. число зарегистрированных случаев домашнего насилия сокращалось) до $+75\%$ (число зарегистрированных случаев росло). Если посчитать среднее значение для всех проанализированных индикаторов, то рост домашнего насилия из-за локдауна оказывается на уровне близком к 8% , впрочем, при таком разбросе значений эту цифру сложно считать некоторым стандартом.

Для ответа на вопрос о причинах данной гетерогенности и реальных масштабах «теневого пандемии» ключевым является выбор точной методики измерения. Ниже мы рассмотрим наиболее часто используемые инструменты анализа.

Статистика обращений в полицию. Одним из наиболее надежных и широкодоступных методов оценки влияния локдауна на уровень домашнего насилия является количество обращений в полицию, а также другие индикаторы преступлений, связанных с домашним насилием (аресты, убийства и пр.). Например, анализ полицейских отчетов из 200 крупнейших городов США показывает, что за период с 13 марта по 24 мая 2020 г. уровень домашнего насилия в США вырос на $5,3\%$ [Hsu, Henke, 2021]. В другом исследовании авторы пришли к выводу о $7,5\%$ -м росте в США телефонных обращений по поводу домашнего насилия [Leslie, Wilson, 2020]. Нужно отметить, что даже в этой стране от штата к штату наблюдается существенная вариация в оценках: так, в Нью-Йорке рост составил 10% , в Техасе 18% , а в Алабаме 27% [Boserup et al., 2020]. Аналогичные результаты были получены и для других стран мира. Например, по данным исследования, в Перу рост числа обращений в полицию за апрель — июль 2020 г. составил 48% [Agüero, 2021].

Важно указать на то, что статистика обращений с жалобами на насилие со стороны интимного партнера резко контрастирует со статистикой о насилии в отношении детей, которая в ряде стран после локдауна продемонстрировала

сильный нисходящий тренд. Так, число заявлений в полицию о насилии над детьми в Чикаго с марта по май 2021 г. сократилось на 67 % [McLay, 2021], а в Великобритании на 41 % [Kourti et al., 2021]. Впрочем, приписывать эти цифры некоторым позитивным трансформациям преждевременно. Так, опрос сотрудников, предоставляющих убежище жертвам домашнего насилия в Норвегии, показал: большинство из них обеспокоены тем, что из-за пандемии стало «слишком тихо» и о насилии в отношении детей перестали говорить [Øverlien, 2020]. Одной из причин, объясняющих резкое снижение официальной статистики о насилии над детьми, является невозможность последних пожаловаться ввиду закрытия школ [Kourti et al., 2021]. Именно школьные учителя обычно становились теми, кто замечал проблемы ребенка и сообщал о них в социальные службы или полицию. Косвенное подтверждение данной гипотезе дает исследование, согласно которому за месяц после введения локдауна в Великобритании произошел резкий рост числа тяжелых травм головы у детей [Sidpra et al., 2021]. Подобные травмы сложно скрыть, поэтому они являются возможным косвенным индикатором роста насилия в семьях. Таким образом, масштабы «теневого пандемии» в отношении детей могут быть еще более недооценены, чем проблема насилия между интимными партнерами.

Полицейские отчеты о домашнем насилии, как и любой другой инструмент, не являются совершенной мерой оценки масштабов «теневого пандемии» как минимум по двум причинам [Leslie, Wilson, 2020]. Во-первых, не все случаи домашнего насилия заканчиваются обращениями в полицию. Например, для США доля таких латентных случаев оценивается не менее чем в 50 % [Nix, Richards, 2021: 6]. Локдаун осложняет данную ситуацию. С одной стороны, наличие абьюзера в квартире сильно сокращает возможности пожаловаться на него. С другой стороны, постоянное присутствие соседей в квартирах повышает вероятность обращений с жалобами со стороны «третьих лиц». Во-вторых, не все заявления в полицию о насилии впоследствии находят подтверждение, иногда они являются намеренным оговором партнера. В этой связи можно анализировать более «явные» индикаторы нарушений, например аресты [Piquero A., Piquero N., Kurland, 2021] или случаи убийств в результате домашнего насилия. Проблема этих «реальных» индикаторов в том, что они ничего не могут сказать о латентной составляющей проблемы.

В исследовании [Nix, Richards, 2021] указывается также на третий недостаток полицейской статистики: прямое сравнение числа обращений в полицию в разных странах и регионах может оказаться некорректным ввиду того, что различаются сами практики регистрации того или иного дела как относящегося к домашнему насилию или не относящегося.

Опросы общественного мнения. Второй «прямой» способ измерения масштабов проблемы домашнего насилия — это данные опросов. Первые опросы о влиянии пандемии на домашнее насилие появились достаточно быстро, но качество собранных данных позволяло говорить скорее об общих трендах, чем о масштабах. Например, в ряде исследований авторы основываются на данных, собранных после начала пандемии, но не приводят информации о ситуации, предшествующей пандемии (т. е. отсутствует база для сравнения) (см., напр.: [Adibelli et al., 2021; Gama et al., 2020; Sharma, Borah, 2020]). Кроме того, некоторые работы

базируются на очень небольших и нерепрезентативных выборках, а потому способны разве что проиллюстрировать проблему, но не оценить ее масштаб (см., напр.: [Soron et al., 2021; Yari et al., 2021]). Различия в качестве опросных данных могли стать одной из причин высокого разброса полученных оценок масштабов домашнего насилия.

Однако существуют и примеры качественно выполненных репрезентативных национальных опросов о влиянии пандемии на домашнее насилие. Например, в статье [Every-Palmer et al., 2020] через репрезентативный опрос анализировались последствия пандемии для Новой Зеландии. Сроки проведения опроса к тому же позволили разделить выборку на тех, кто был опрошен до локдауна и после его введения, что давало возможность оценить его эффект. По данным этого исследования, 9.1 % респондентов ответили, что испытали на себе проблему домашнего насилия после введения локдауна, еще 3.9 % стали свидетелями такого насилия в своих семьях. В работе [Beland et al., 2020] на материалах репрезентативного опроса жителей Канады показывается, что 8 % населения сильно или очень сильно обеспокоены проблемой домашнего насилия в семье в контексте пандемии. Из них женщины составляют примерно 2/3.

Стоит отметить, что прямые вопросы об опыте домашнего насилия являются очень чувствительными, из-за этого следует ожидать высокую долю неответов, а также замалчивание проблемы. Частично снизить чувствительность можно проведением опросных экспериментов. В таких экспериментах респонденты делятся на две группы [Porter et al., 2021]. Каждой группе предлагается некоторое количество утверждений, и нужно ответить, с каким числом высказываний они согласны, не называя при этом конкретных тезисов. В экспериментальной группе к стандартному списку добавляется высказывание о пережитом физическом насилии со стороны члена семьи. Такая формулировка вопроса позволяет значительно снизить чувствительность, поскольку вместо прямого признания проблемы насилия респонденту нужно лишь назвать число. Исследователям же достаточно сравнить среднее количество выбранных вариантов в контрольной и экспериментальной группе, чтобы оценить масштабы проблемы. Результаты опросного эксперимента в Перу показали, что 8.3 % выборки испытывали на себе рост физического насилия в период локдауна [ibid.]. При этом риск оказался существенно выше для тех, кто ранее уже подвергался домашнему насилию (рост на 23.6 % для данной группы). Интересно, что приведенный показатель резко контрастирует с упомянутым ранее ростом числа обращений в полицию Перу на 48 % [Agüero, 2021]; это лишь подчеркивает сложности, с которыми сталкиваются исследователи при определении реального масштаба проблемы³.

Другие методы. Существуют также косвенные методы оценки трендов домашнего насилия, опирающиеся на открытые данные. В работе [Berniell, Facchini, 2021] анализируется количество связанных с домашним насилием

³ Данное несоответствие можно объяснить не только достоинствами или недостатками того или иного метода. Возможно, что локдаун в Перу привел к некоторому снижению уровня латентности домашнего насилия и более высокой готовности обращаться в полицию из-за недоступности других способов решения проблемы. В этой связи даже рост масштаба домашнего насилия на 8.3 % для всей страны может одновременно означать увеличение числа звонков в полицию на 48 %.

поисковых запросов после локдауна в 11 странах: США, 5 странах Европы и 5 странах Латинской Америки, крупнейших по размеру ВВП. В среднем введение локдауна приводит к 30 %-му росту числа запросов о домашнем насилии, достигая пика на 5-ю неделю после введения ограничительных мер. При этом данный эффект оказался более чем в два раза выше для Европы, чем для Латинской Америки. Последнее может объясняться тем фактом, что в Европе локдаун соблюдался более строго и это приводило к более сильной реальной изоляции домохозяйств от внешнего мира. Метод анализа интернет-запросов также успешно используется для оценки других психологических последствий пандемии, таких как депрессия и мысли о суициде [Knipe et al., 2021].

Кроме того, в исследованиях анализировались публикации в СМИ о проблеме домашнего насилия [Krishnakumar, Verma, 2021; Maji et al., 2021]. Результаты мало могут сказать о реальных масштабах домашнего насилия, однако позволяют оценивать качество публичной дискуссии о данной проблеме, а также мнения о ней экспертов, представителей общественных и государственных организаций.

Механизмы влияния пандемии на домашнее насилие

Другой ключевой исследовательский вопрос связан с анализом причин, из-за которых пандемия коронавируса могла привести к росту домашнего насилия.

Основной конвенционально признанной причиной роста домашнего насилия является локдаун, т. е. закрытие школ, общественных заведений, ограничения работы транспорта, а главное — самоизоляция граждан в местах постоянного проживания. Исследователи обнаружили, что локдаун в целом снижает поток заявлений в полицию о преступлениях, но повышает долю обращений, связанных с домашним насилием [Bullinger et al., 2020].

В исследовании [Sharma, Borah, 2020] выделяются три причины роста домашнего насилия из-за локдауна. Во-первых, экономические трудности, возникшие из-за пандемии, могут стать триггером для домашнего насилия в семьях, где его раньше не было (аналогичные результаты получены в работе [Adibelli et al., 2021]). Впрочем, и до пандемии фактор безработицы однозначно назывался в качестве важного предиктора домашнего насилия между партнерами [MacGregor et al., 2019]; пандемия и локдаун этот фактор лишь усугубили. Во-вторых, возможной причиной является изменение домашних обязанностей и ролей в связи с вынужденным нахождением вместе большого числа членов семьи. Усугубляет эту проблему то обстоятельство, что именно для женщин риск остаться без работы по разным причинам оказался гораздо выше, чем для мужчин [Piquero, Jennings et al., 2021]. Кроме того, именно на женщин обычно ложатся обязанности по заботе за заболевшими членами семьи. В-третьих, для семей, где уже были предпосылки к конфликтам, негативное влияние может оказывать само время, проведенное вместе, и невозможность побыть наедине с собой. В работе [Sower, Alexander, 2021], в частности, выделяются такие «тактики» домашнего насилия, как захват значительной части квартиры в качестве рабочего места, установка ограничений на шум, телефонные разговоры и пользование Интернетом. Кроме того, из-за ограничительных мер во время локдауна существенно сложнее получить внешнюю помощь [Ertan et al., 2020]. В этом контексте в значительно более уязвимом состоянии оказались беременные женщины [Naghizadeh et al., 2021].

Вместе с тем менее изученными остаются другие возможные механизмы влияния пандемии на домашнее насилие, которые могут быть не связаны напрямую с локдауном. Пандемия в целом создает не только экономические трудности, но и психологические [Mazza et al., 2020], что, в свою очередь, может приводить к конфликтам в семье. Именно психологическое насилие оказывается самой распространенной формой домашнего насилия, возникающего в период пандемии [Gama et al., 2020].

Большая и пока не решенная исследователями задача связана с объяснением высокой гетерогенности масштабов домашнего насилия [Berniell, Facchini, 2021; Kourti et al., 2021; Piquero, Jennings et al., 2021], которая наблюдается как в разных странах, так и в разных городах и регионах внутри одной страны. Эта вариация может быть обусловлена целым комплексом факторов, таких как культура страны, уровень урбанизации, уровень социального неравенства и бедности и др. В целом и до пандемии исследователи обращали внимание на высокие региональные различия уровня домашнего насилия [Alhabib et al., 2010]. Однако последствия пандемии и меры по борьбе с ней также имеют высокую географическую вариацию, что делает исследовательскую задачу на один порядок сложнее.

Другой важный тренд, который наблюдали многие исследователи, связан со снижением числа обращений по поводу домашнего насилия с течением времени [Leslie, Wilson, 2020; Nix, Richards, 2021; Piquero, Jennings et al., 2021]. Из эмпирических исследований известно, что по прошествии нескольких недель эффекты локдауна затихают. На текущий момент, однако, нет ясных объяснений причин данной динамики. С одной стороны, это может означать успешную адаптацию домохозяйств к пандемии и локдауну, которая вызывает реальное сокращение уровня домашнего насилия. Кроме того, часть домохозяйств могли решить эту проблему через переезд и раздельное проживание. С другой стороны, данный тренд может указывать и на рост латентности домашнего насилия, связанный с более успешным контролем за ситуацией со стороны абьюзеров.

Стоит также отметить, что начинают появляться и исследования об обратной причинно-следственной связи между домашним насилием и пандемией. Так, в работе [Chandan et al., 2021] на основе базы данных о здоровье более 50 тыс. женщин из Великобритании показывается, что жертвы домашнего насилия при прочих равных условиях могут быть более уязвимы к заражению коронавирусом по сравнению с теми женщинами, которые не сталкивались с данной проблемой. Впрочем, несмотря на статистически значимую связь, она требует дополнительного содержательного анализа для объяснения ее механики. Уже известно, что домашнее насилие может приводить к целому комплексу психологических проблем, таких как негативные эмоции (страх, стыд, низкая самооценка и пр.), нарушение физиологических функций (головные боли и пр.), ментальные заболевания (депрессия, бессонница и пр.), а также саморазрушительное поведение (алкоголизм, намеренное причинение вреда себе, суицид и пр.) [Ali et al., 2021: 192]. Возможно, что в совокупности с теми или иными факторами домашнее насилие повышает и персональные риски, связанные с угрозой заболевания коронавирусом и тяжестью его течения.

Заключение

Анализ международного опыта изучения влияния пандемии на домашнее насилие ставит больше вопросов, чем дает ответов. С одной стороны, ученые успешно доказали связь между локдауном и ростом домашнего насилия, хотя для специалистов по гендерным исследованиям это и не стало сюрпризом. С другой стороны, реальные масштабы данного влияния остаются неясны. Если ориентироваться на наиболее качественные и комплексные из проведенных на текущий момент исследований, то консервативная оценка влияния пандемии на домашнее насилие находится в диапазоне 5—10 % (см. также: [Leslie, Wilson, 2020; Hsu, Henke, 2021; Piquero, Jennings et al., 2021; Porter et al., 2021]). Вместе с тем исследователи подчеркивали высокую степень гетерогенности полученных результатов; для ряда стран, регионов и городов они могли быть в разы выше. Объяснение данной вариации — один из самых серьезных вопросов, которые еще предстоит решить.

В то же время результаты исследований об эффектах пандемии пока не-многое добавляют к уже существующей литературе о домашнем насилии. На первый взгляд кажется, что пандемия лишь усилила те факторы домашнего насилия, которые и ранее были известны [MacGregor et al., 2019]: локдаун заставил абьюзеров физически находиться рядом с их жертвами, экономические трудности и безработица усугубили эту проблему, а пандемия в целом негативно сказалась на психическом состоянии всех членов семьи. Актуализация социальной проблемы привела к сильному росту интереса исследователей к ней, однако само по себе это не формирует новую научную проблему. Новую проблематику, если она есть, по всей видимости, еще предстоит найти.

К сожалению, ответить даже на самые базовые вопросы о масштабах «теневого пандемии» и ее причинах оказалось непросто. Пандемия сама по себе создает проблемы для исследователей, например делает объект исследования недоступным для этнографии и однозначно затрудняет использование качественных методов (интервью, наблюдение и пр.), которые могли бы дать ответы на многие оставшиеся после количественного анализа вопросы.

Так или иначе из-за пандемии весь мир вынужден переживать состояние естественного эксперимента. Политикам приходится принимать оперативные решения зачастую без опоры на научные данные. Согласно обзору 235 исследований о проблеме партнерского насилия, проведенных до пандемии, одним из самых неизученных вопросов остается анализ эффективности различных мер по противодействию домашнему насилию [ibid.]. Исследования, выполняемые в эпоху пандемии, естественным образом наследуют эту проблему, а также задачу по ее решению. В работе [Ertan et al., 2020] указано, что пока ученым доступно мало данных для того, чтобы оценивать эффективность тех или иных мер. Необходимость систематическим образом собирать данные о проблеме домашнего насилия была отмечена и в докладе структуры «ООН-женщины» [COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls, 2020].

Вместе с тем в этом докладе предлагался и ряд конкретных мер по противодействию «теневого пандемии», таких как создание сервисов для помощи пострадавшим, повышение осведомленности населения о проблеме и способах ее решения, тренинги для социальных работников, а также оказание финансовой

и организационной помощи правозащитным организациям и странам, оказавшимся из-за пандемии в тяжелой социально-экономической ситуации. В целом эти рекомендации созвучны тем предложениям, которые были сделаны в ряде других исследований [Sharma, Borah, 2020; Hossain et al., 2020; Adibelli et al., 2021]. Пандемия вынуждает политиков разных стран оперативно принимать решения. Научная и экспертная оценка последствий этих решений естественным образом запаздывает. В ближайшем будущем именно подготовка такого рода анализа является первостепенной задачей для исследователей.

Список источников

- Adibelli D., Sümen A., Teskereci G.* Domestic violence against women during the COVID-19 pandemic: Turkey sample // *Health Care for Women International*. 2021. Vol. 42, № 3. P. 335—350.
- Agüero J.* COVID-19 and the rise of intimate partner violence // *World Development*. 2021. Vol. 137. P. 1—7.
- Alhabib S., Nur U., Jones R.* Domestic violence against women: systematic review of prevalence studies // *Journal of Family Violence*. 2010. Vol. 25, № 4. P. 369—382.
- Ali P., Rogers M., Heward-Belle S.* COVID-19 and domestic violence: impact on mental health // *Journal of Criminal Psychology*. 2021. Vol. 11, № 3. P. 188—202.
- Beland L.-P., Brodeur A., Haddad J., Mikola D.* COVID-19, family stress and domestic violence: remote work, isolation and bargaining power // *GLO Discussion Paper Series*. 2020. № 13332. P. 1—35.
- Berniell I., Facchini G.* COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries // *European Economic Review*. 2021. Vol. 136, № 4. P. 103775.
- Boserup B., McKenney M., Elkbuli A.* Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic // *The American Journal of Emergency Medicine*. 2020. Vol. 38, № 12. P. 2753—2755.
- Bullinger L. R., Carr J. B., Packham A.* COVID-19 and crime: effects of stay-at-home orders on domestic violence // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. 2020. № 27667. P. 1—45.
- Chandan J. S., Subramanian A., Chandan J. K., Gokhale K. M., Vitoc A., Taylor J., Bradbury-Jones C.* The risk of COVID-19 in survivors of domestic violence and abuse // *BMC Medicine*. 2021. Vol. 19, № 1. P. 1—7.
- COVID-19 and Ending Violence Against Women and Girls / United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. New York: UN Women, 2020. 10 p.
- Ertan D., El-Hage W., Thierrée S., Javelot H., Hingray C.* COVID-19: urgency for distancing from domestic violence // *European Journal of Psychotraumatology*. 2020. Vol. 11, № 1. P. 1—11.
- Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J.* Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study // *PLoS One*. 2020. Vol. 15, iss 11. P. 1—19.
- Gama A., Pedro A. R., Carvalho M. J. L. de, Guerreiro A. E., Duarte V., Quintas J., Matias A.* Domestic violence during the COVID-19 pandemic in Portugal // *Portuguese Journal of Public Health*. 2020. Vol. 38, № 1. P. 32—40.
- Hossain Md. E., Najib A. U., Islam Md. Z.* Combating domestic violence during COVID-19 pandemic in Bangladesh: using a mobile application integrated with an effective

- solution // 23rd ICCIT. 2020. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/9392385/proceeding> (дата обращения: 27.09.2021).
- Hsu L.-C., Henke A. COVID-19, staying at home, and domestic violence // Review of Economics of the Household. 2021. Vol. 19, № 1. P. 145—155.
- Knipe D., Gunnell D., Evans H., John A., Fancourt D. Is Google Trends a useful tool for tracking mental and social distress during a public health emergency?: a time-series analysis // Journal of Affective Disorders. 2021. Vol. 294. P. 737—744.
- Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsolia M., Sergeantanis T. N., et al. Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review // Trauma, Violence & Abuse. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (дата обращения: 27.09.2021).
- Krishnakumar A., Verma S. Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach // Asian Journal of Criminology. 2021. Vol. 16, № 1. P. 1—17.
- Leslie E., Wilson R. Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19 // Journal of Public Economics. 2020. Vol. 189. P. 1—7.
- MacGregor J. C. D., Oliver C. L., MacQuarrie B. J., Wathen C. N. Intimate partner violence and work: a scoping review of published research // Trauma, Violence & Abuse. 2019. Vol. 22, № 4. P. 717—727.
- Maji S., Bansod S., Singh T. Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/348416108_Domestic_violence_during_COVID-19_pandemic_The_case_for_Indian_women (дата обращения: 27.09.2021).
- Mazza M., Marano G., Lai C., Janiri L., Sani G. Danger in danger: interpersonal violence during COVID-19 quarantine // Psychiatry Research. 2020. Vol. 289. P. 1—2.
- McLay M. M. When “shelter-in-place” isn’t shelter that’s safe: a rapid analysis of domestic violence case differences during the COVID-19 pandemic and stay-at-home orders // Journal of Family Violence. 2021. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00225-6.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
- Naghizadeh S., Mirghafourvand M., Mohammadirad R. Domestic violence and its relationship with quality of life in pregnant women during the outbreak of COVID-19 disease // BMC Pregnancy & Childbirth. 2021. Vol. 21, № 1. P. 1—10.
- Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C., Kerwan A., Al-Jabir A., Iosifidis C., Agha M., et al. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review // International Journal of Surgery. 2020. Vol. 78. P. 185—193.
- Nix J., Richards T. N. The immediate and long-term effects of COVID-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions // Police Practice and Research. 2021. Vol. 22, № 21. P. 1—9.
- Øverlien C. The COVID-19 pandemic and its impact on children in domestic violence refuges // Child Abuse Review. 2020. Vol. 29, № 4. P. 379—386.
- Piquero A. R., Jennings W. G., Jemison E., Kaukinen C., Knaul F. M. Domestic violence during the COVID-19 pandemic — evidence from a systematic review and meta-analysis // Journal of Criminal Justice. 2021. Vol. 74. P. 1—10.
- Piquero A. R., Piquero N. L., Kurland J. A case study of domestic violence arrests during the COVID-19 pandemic in Miami-Dade County // Victims & Offenders. 2021. Vol. 16, iss. 8. P. 1077—1088.
- Porter C., Favara M., Sánchez A., Scott D. The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment // SSM — Population Health. 2021. Vol. 14. P. 1—10.

- Sharma A., Borah S. B. COVID-19 and domestic violence: an indirect path to social and economic crisis // *Journal of Family Violence*. 2020. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00188-8.pdf> (дата обращения: 27.09.2021).
- Sidpra J., Abomeli D., Hameed B., Baker J., Mankad K. Rise in the incidence of abusive head trauma during the COVID-19 pandemic // *Archives of Disease in Childhood*. 2021. Vol. 106, № 3. P. e14.
- Soron T. R. et al. Domestic violence and mental health during the COVID-19 pandemic in Bangladesh // *JMIR Formative Research*. 2021. Vol. 5, № 9. P. e24624.
- Sower E. A., Alexander A. A. The same dynamics, different tactics: domestic violence during COVID-19 // *Violence and Gender*. 2021. Vol. 8, № 3. P. 154—156.
- Yari A., Zahednezhad H., Gheshlagh R. G., Kurdi A. Frequency and determinants of domestic violence against Iranian women during the COVID-19 pandemic: a national cross-sectional survey // *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21, № 1. P. 1—10.

References

- Adibelli, D., Sümen, A., Teskereci, G. (2021) Domestic violence against women during the COVID-19 pandemic: Turkey sample, *Health Care for Women International*, vol. 42, no. 3, pp. 335—350.
- Agüero, J. (2021) COVID-19 and the rise of intimate partner violence, *World Development*, vol. 137, pp. 1—7.
- Alhabib, S., Nur, U., Jones, R. (2010) Domestic violence against women: systematic review of prevalence studies, *Journal of Family Violence*, vol. 25, no. 4, pp. 369—382.
- Ali, P., Rogers, M., Heward-Belle, S. (2021) COVID-19 and domestic violence: impact on mental health, *Journal of Criminal Psychology*, vol. 11, no. 3, pp. 188—202.
- Beland, L.-P., Brodeur, A., Haddad, J., Mikola, D. (2020) COVID-19, family stress and domestic violence: remote work, isolation and bargaining power, *GLO Discussion Paper Series*, no. 13332, pp. 1—35.
- Berniell, I., Facchini, G. (2021) COVID-19 lockdown and domestic violence: evidence from internet-search behavior in 11 countries, *European Economic Review*, vol. 136, no. 4, p. 103775.
- Boserup, B., McKenney, M., Elkbuli, A. (2020) Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic, *The American Journal of Emergency Medicine*, vol. 38, no. 12, pp. 2753—2755.
- Bullinger, L. R., Carr, J. B., Packham, A. (2020) COVID-19 and crime: effects of stay-at-home orders on domestic violence, *National Bureau of Economic Research Working Paper*, no. 27667, pp. 1—45.
- Chandan, J. S., Subramanian, A., Chandan, J. K., Gokhale, K. M., Vitoc, A., Taylor, J., Bradbury-Jones, C., et al. (2021) The risk of COVID-19 in survivors of domestic violence and abuse, *BMC Medicine*, vol. 19, no. 1, pp. 1—7.
- Ertan, D., El-Hage, W., Thierrée, S., Javelot, H., Hingray, C. (2020) COVID-19: urgency for distancing from domestic violence, *European Journal of Psychotraumatology*, vol. 11, no. 1, pp. 1—11.
- Every-Palmer, S., Jenkins, M., Gendall, P., Hoek, J., Beaglehole, B., Bell, C., Williman, J., et al. (2020) Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: a cross-sectional study, *PLoS One*, vol. 15, iss. 11, pp. 1—19.
- Gama, A., Pedro, A. R., Carvalho, M. J. L. de, Guerreiro, A. E., Duarte, V., Quintas, J., Matias, A., et al. (2020) Domestic violence during the COVID-19 pandemic in Portugal, *Portuguese Journal of Public Health*, vol. 38, no. 1, pp. 32—40.

- Hossain, Md. E., Najib, A. U., Islam, Md. Z. (2020) Combating domestic violence during COVID-19 pandemic in Bangladesh: using a mobile application integrated with an effective solution, *23rd ICCIT*, available from <https://ieeexplore.ieee.org/xpl/conhome/9392385/proceeding> (accessed 27.09.2021).
- Hsu, L.-C., Henke, A. (2021) COVID-19, staying at home, and domestic violence, *Review of Economics of the Household*, vol. 19, no. 1, pp. 145—155.
- Knipe, D., Gunnell, D., Evans, H., John, A., Fancourt, D. (2021) Is Google Trends a useful tool for tracking mental and social distress during a public health emergency?: a time-series analysis, *Journal of Affective Disorders*, vol. 294, pp. 737—744.
- Kourti, A., Stavridou, A., Panagouli, E., Psaltopoulou, T., Spiliopoulou, C., Tsolia, M., Sergeantanis, T. N., et al. (2021) Domestic violence during the COVID-19 pandemic: a systematic review, *Trauma, Violence & Abuse*, available from <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/15248380211038690> (accessed 27.09.2021).
- Krishnakumar, A., Verma, S. (2021) Understanding domestic violence in India during COVID-19: a routine activity approach, *Asian Journal of Criminology*, vol. 16, no. 1, pp. 1—17.
- Leslie, E., Wilson, R. (2020) Sheltering in place and domestic violence: evidence from calls for service during COVID-19, *Journal of Public Economics*, vol. 189, pp. 1—7.
- MacGregor, J. C. D., Oliver, C. L., MacQuarrie, B. J., Wathen, C. N. (2019) Intimate partner violence and work: a scoping review of published research, *Trauma, Violence & Abuse*, vol. 22, no. 4, pp. 717—727.
- Maji, S., Bansod, S., Singh, T. (2020) Domestic violence during COVID-19 pandemic: the case for Indian women, *Journal of Community & Applied Social Psychology*, available from https://www.researchgate.net/publication/348416108_Domestic_violence_during_COVID-19_pandemic_The_case_for_Indian_women (accessed 27.09.2021).
- Mazza, M., Marano, G., Lai, C., Janiri, L., Sani, G. (2020) Danger in danger: interpersonal violence during COVID-19 quarantine, *Psychiatry Research*, vol. 289, pp. 1—2.
- McLay, M. M. (2021) When “shelter-in-place” isn’t shelter that’s safe: a rapid analysis of domestic violence case differences during the COVID-19 pandemic and stay-at-home orders, *Journal of Family Violence*, available from <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00225-6.pdf> (accessed 27.09.2021).
- Naghizadeh, S., Mirghafourvand, M., Mohammadirad, R. (2021) Domestic violence and its relationship with quality of life in pregnant women during the outbreak of COVID-19 disease, *BMC Pregnancy & Childbirth*, vol. 21, no. 1, pp. 1—10.
- Nicola, M., Alsafi, Z., Sohrabi, C., Kerwan, A., Al-Jabir, A., Iosifidis, C., Agha, M., et al. (2020) The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): a review, *International Journal of Surgery*, vol. 78, pp. 185—193.
- Nix, J., Richards, T. N. (2021) The immediate and long-term effects of COVID-19 stay-at-home orders on domestic violence calls for service across six U.S. jurisdictions, *Police Practice and Research*, vol. 22, no. 21, pp. 1—9.
- Øverlien, C. (2020) The COVID-19 pandemic and its impact on children in domestic violence refuges, *Child Abuse Review*, vol. 29, no. 4, pp. 379—386.
- Piquero, A. R., Jennings, W. G., Jemison, E., Kaukinen, C., Knaul, F. M. (2021) Domestic violence during the COVID-19 pandemic — evidence from a systematic review and meta-analysis, *Journal of Criminal Justice*, vol. 74, pp. 1—10.
- Piquero, A. R., Piquero, N. L., Kurland, J. (2021) A case study of domestic violence arrests during the COVID-19 pandemic in Miami-Dade County, *Victims & Offenders*, vol. 16, iss. 8, pp. 1077—1088.
- Porter, C., Favara, M., Sánchez, A., Scott, D. (2021) The impact of COVID-19 lockdowns on physical domestic violence: evidence from a list randomization experiment, *SSM — Population Health*, vol. 14, pp. 1—10.

- Sharma, A., Borah, S. B. (2020) COVID-19 and domestic violence: an indirect path to social and economic crisis, *Journal of Family Violence*, available from <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10896-020-00188-8.pdf> (accessed 27.09.2021).
- Sidpra, J., Abomeli, D., Hameed, B., Baker, J., Mankad, K. (2021) Rise in the incidence of abusive head trauma during the COVID-19 pandemic, *Archives of Disease in Childhood*, vol. 106, no. 3, p. e14.
- Soron, T. R. et al. (2021) Domestic violence and mental health during the COVID-19 pandemic in Bangladesh, *JMIR Formative Research*, vol. 5, no. 9, p. e24624.
- Sower, E. A., Alexander, A. A. (2021) The same dynamics, different tactics: domestic violence during COVID-19, *Violence and Gender*, vol. 8, no. 3, pp. 154—156.
- Yari, A., Zahednezhad, H., Gheshlagh, R. G., Kurdi, A. (2021) Frequency and determinants of domestic violence against Iranian women during the COVID-19 pandemic: a national cross-sectional survey, *BMC Public Health*, vol. 21, no. 1, pp. 1—10.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 10.01.2022.

The article was submitted 23.10.2020; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 10.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Казун Антон Павлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития, доцент департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, akazun@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Fellow at the International Center for the Study of Institutions and Development, Associate Professor at the Department of Applied Economics, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).